

Марина Ветрова

ОПЕРАЦИОННЫЙ
БЛОК

ВЛАДОВ А.С.
ГЛАВНЫЙ ХИРУРГ

После измены.
В ОБЪЯТИЯХ
ГЛАВНОГО ХИРУРГА

Марина Ветрова

После измены. В объятиях главного хирурга

<https://litres.ru/74619418>

SelfPub; 2026

Аннотация

После трёх суток в реанимации я узнала, что у моего мужа есть любовница. И сын.

Моя лучшая подруга родила ему «настоящего наследника», а нашу четырёхлетнюю дочь он назвал балластом.

Затем муж отобрал квартиру, заблокировал счета и решил уничтожить мою карьеру врача.

Он был уверен, что я сломаюсь.

Но за моей спиной неожиданно встал Тихон Владов — самый суровый и влиятельный хирург госпиталя. Мужчина, которого боятся даже главврачи.

Вместе мы обнаружили страшную тайну, способную разрушить карьеру моего бывшего.

Теперь мне предстоит спасти дочь, доказать свою невиновность и разобраться с чувствами к человеку, чьё холодное сердце вдруг открылось только для меня.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина Ветрова

После измены. В объятиях главного хирурга

Глава 1

После третьей ночи дежурства пальцы дрожали даже над застёжкой халата. Пациента я передала сменщику, дважды сверив назначения: на усталость можно пожаловаться потом, ему до неё дела нет. В горле стоял привкус железа, поясницу тянуло при каждом шаге. Добравшись до ординаторской, я рухнула на стул и вытянула ноги. Сейчас Петя допьёт кофе, и можно будет уйти.

Хотела просто закрыть глаза. Десять секунд тишины. Потом дожидаться смены, забрать Агатку из садика и уснуть на диване, пока Ярослав делает свою красивую плановую операцию. Обычно мы встречались на выходе, сверяли смены, решали, кто забирает дочь. Ярослав называл нас командой. Мне нравилось это слово: в нём оставалось место для нас даже после трёх суток без нормального разговора.

Петин телефон зазвенел возле тарелки. Я поморщилась, прикрыла ухо ладонью. Он продолжал жевать колбасный бутерброд, а экран всё мигал; в полутёмной ординаторской от

этого мигания начинали болеть глаза.

— Прости, Ева, — буркнул он, не поднимая головы. — Рабочий чат. Главврач опять пишет про отчеты.

Прикрыла глаза и махнула ему: отвечай, только потише. Можно же посидеть хоть минуту без чужих голосов. Петя успел прожевать — и всё-таки нарушил тишину.

— Ого, — протянул Петя, отодвинув тарелку. — Ева, глянь сюда. Это... это вообще что?

Петя развернул телефон ко мне. Снимок был смазан: коридор реанимации, люди на ходу. Я всё равно сразу узнала Ярослава. Рядом с ним смеялась Ника, прижимаясь щекой к его плечу; его ладонь лежала у неё на талии. Полгода назад я сама привела её в отделение. Она жаловалась, что после переезда ей не с кем поговорить, а я ещё обещала познакомить её с хорошими людьми.

Я наклонилась ближе. Петин бутерброд оказался почти у моего лица; я отодвинула тарелку, не замечая его возмущённого вздоха.

— Это ракурс, — сказала я. На первом слове пришлось прочистить горло. — Они просто поздоровались. Или обнялись на прощание. Ты знаешь Ярослава, он всех трясет за плечи, когда волнуется.

Петя не подсказал мне ни одной из спасительных версий. Даже бутерброд отложил, чтобы удобнее смотреть. Я знала этот интерес: после тяжёлого случая он точно так же расспрашивал, кто ошибся и кого будут разбирать на комиссии.

Забрала у Пети аппарат. Увеличила картинку, зацепившись пальцем за край экрана. Ника держала мальчика и управляла его, а Ярослав придерживал её за талию. Малыш тянулся к значку на его халате. Агата тоже так делала в полтора года. И Ярослав тогда точно так же улыбался, глядя вниз. Я долго смотрела на эту улыбку — лица Ники уже не нужно было разглядывать.

Я увеличила снимок ещё раз. Всё надеялась найти сбоку подпись: чей-нибудь ребёнок, чужая семья. Вместо подписи в кармане завибрировал телефон.

Я достала свой телефон из кармана: семейный чат «Самарины & Ко». Имя отправителя: «Мама Ярика». Текст сообщения, написанный крупным шрифтом:

«Наконец-то у нас настоящий наследник! Слава Богу, Ника справилась там, где ты, Ева, только пугала своим холодом. Мальчик растёт сильным!»

Дата сообщения: вчера, 23:45. Несколько часов назад. Пока я ставила капельницы и считала миллилитры. Пока я боролась за жизнь чужих людей. Моя свекровь называла наследником сына другой женщины. Агату она называла просто «девочкой». Я вспомнила её неизменное «в следующий раз постарайтесь» и перестала искать в сообщении хоть одно случайное слово.

Мой телефон выпал из рук и ударился о столешницу с глухим звуком. Петин я всё ещё держала; он осторожно забрал его.

— Ева? — позвал Петя. В его голосе появилась нотка осторожности.

Встала, не отвечая Пете. Ножки стула заскрежетали; хотелось прикрикнуть на них, как на живых. Пришлось сглотнуть и ухватиться за стол: ещё чуть-чуть — и меня вырвет рядом с его тарелкой. Петя отодвинул бутерброд, но вставать за мной не стал.

В коридоре стало слишком светло. Лампы отражались в вымытом полу, и я смотрела на эти длинные белые полосы, чтобы не замечать встречающих людей. Шла быстро, цепляя туфлями линолеум. Надо было найти Ярослава; страшнее всего было увидеть, как он улыбнётся при моём появлении.

У поворота санитарка переносила ведро. Я не заметила его сразу: смотрела выше, выискивала белый халат мужа. Носок туфли зацепил край, и вода уже качнулась, когда она крикнула мне остановиться.

— Аккуратнее! — санитарка подхватила ведро за ручку. Удержать воду не успела.

Из ведра плеснуло на туфли и подол. Санитарка выругалась, взялась за тряпку. Обычно я извинилась бы, принесла салфетки с поста. Сейчас только стояла в луже и смотрела, как вода растекается между подошвами. Хлорка перебивала всё — даже тошноту. На халате ещё оставалась кровь после ночной работы; к этой грязи прибавилась чужая уборка.

Я достала свой телефон, который успела поднять со стола,

и набрала Ярослава. Гудки шли долго. Один. Два. Три. Пять. Десять.

Он не брал трубку.

Я слушала гудки и пыталась представить операционную. Но вместо стола видела синюю форму Ники, его руку у неё на талии. Экран погас у моего уха. Я отняла телефон, проверила: вызов всё ещё шёл. Он даже не отклонил его.

Я сбросила вызов. Память начала подсовывать кадры, которые я раньше не замечала или интерпретировала иначе. Вчера вечером. Кухня нашей квартиры. Ярослав говорил по телефону, стоя спиной к окну. Я готовила ужин, резала лук, и слезы текли по щекам. Он сказал: «Да, мам, я знаю. Ника молодчина, она справляется лучше всех».

Я тогда улыбнулась: приятно было слышать, что подруга прижилась в отделении. Даже хотела написать ей, спросить, как дела. Не написала — ужин, Агата, очередной звонок с поста. А муж стоял в двух шагах и обсуждал с матерью её сына.

Кто ещё знал? Петя сразу повернул ко мне снимок — или ждал, пока я сама замечу? Свекровь, Ника, Ярослав. Трое точно. Я вспоминала вчерашние разговоры и уже не могла отделить обычную паузу от намеренного молчания.

Я вытерла мокрый подбородок рукавом и заставила себя вспомнить, где ключи. Машина внизу. Агата с няней. У дочери нет запасной мамы на случай, если я сейчас сяду на пол и перестану двигаться. Я шагнула к лифту.

Я добралась до лифтового холла нашего этажа и нажала кнопку. Слушала, на каком этаже остановится кабина. Нужно было уехать. Домой. Забрать Агатку. Объяснить ей почему-то, что папа больше не придет. Хотя нет, объяснять не нужно. Просто забрать и уйти.

Двери лифта распахнулись. Я шагнула внутрь, но остановилась.

От соседнего коридора к лифтам шли врачи. Впереди — Тихон Владов в тёмно-синем халате. Он был старшим хирургом и умел заставить людей перестать говорить, не поднимая голоса. Мне приходилось видеть, как главный специалист с готовой отповедью вдруг выбирал выражения, стоило Владову повернуться к нему.

Владов говорил о сложном случае. Остальные слушали, догоняя его короткими вопросами; он отвечал на ходу. Я надеялась, что они пройдут мимо. Стояла у открытой кабины и никак не могла заставить себя шагнуть внутрь.

Владов остановился глазами на мне. Я успела опустить взгляд, а когда подняла — он всё ещё смотрел.

Подтянула сумку выше, закрывая мокрый подол. Кровь на рукаве не прикроешь; Владов уже заметил и её. Мне стало стыдно, что я пришла к лифту в таком виде, хотя минуту назад думала только о муже.

Он задержался возле меня, пока остальные врачи проходили к лифтам. Мокрый подол уже заметил — незачем пытаться его закрыть сумкой. Я отвела взгляд, но он не пошёл

дальше. Так у постели пациента он ждал, когда тот перестанет говорить «всё нормально».

Ну скажи что-нибудь. «Тебе плохо», «иди домой», даже «приведи себя в порядок» — только не стой вот так. Приходилось выбирать самой, что делать с этим вниманием. Мне стало жарко, словно он увидел не мокрый халат, а всё, что я только что прочла.

Отвернулась к лифту. Врачи за его спиной перестали обсуждать пациента, и это было хуже прямого вопроса. Я стояла перед людьми, которые пришли работать, а у меня тряслись губы из-за мужа. Хотелось стать незаметной хотя бы на время спуска.

Двери лифта начали смыкаться. Я шагнула внутрь, нажав кнопку «1». Пол подъезда. Машина. Дом.

По другую сторону закрывающихся дверей кто-то засмеялся. Я узнала голос раньше, чем успела повернуться.

Ярослав.

Ярослав вышел из кабинета главврача с телефоном у уха. Смеялся, не глядя перед собой. Дома в последние месяцы он разговаривал иначе — коротко, раздражённо, будто мы с Агатой мешали закончить что-то важное. Сейчас его никто не раздражал. Лифт закрылся, прежде чем муж успел увидеть меня.

В металлической двери отражались мои тёмные глаза и белые губы. Я смотрела на себя, пока лифт стоял, и никак не могла вспомнить, с каким лицом пришла на эту смену.

В отражении воротник халата торчал криво; я поправила его и вдруг разозлилась на этот привычный жест. Муж смеялся за дверями, а я всё ещё старалась выглядеть так, чтобы ему не было за меня стыдно. «Жена Ярослава» — так представляли меня новым сотрудникам. Я ведь тоже это позволяла.

Я больше не собиралась представляться его женой.

Кнопка «1» горела зеленым светом. Лифт начал движение вниз.

На панели была кнопка подземного этажа. Там стояла машина, там можно было хотя бы сесть и закрыть двери. Я ещё слышала смех Ярослава из холла. Я больше не хотела, чтобы он успел меня окликнуть.

Нажала «-1», пока кабина ещё спускалась. Машина была именно там.

Кабина дёрнулась на стыке этажей. Я качнулась к поручню, придержала сумку. На табло менялись цифры; хотелось, чтобы они менялись быстрее. Внизу будет паркинг, бензиновый запах, моя машина. Врачей там можно не встретить.

На первом этаже двери открылись. Я осталась у панели, пропустила внутрь санитарку с пустой каталкой и дождалась, когда кабина снова тронется.

Достала телефон, ещё раз прочла слова свекрови. Можно ответить сейчас, спросить, с какого момента внука перестала считаться ребёнком. Я отключила звук чата и убрала аппарат в сумку. Няне ещё нужно дозвониться; телефон

я оставляю себе.

На табло появился минус первый этаж. В кармане больше не вибрировало, и я впервые услышала гул самого лифта.

Двери раздвинулись. Передо мной открылся вид на холодный серый бетон паркинга. Воздух здесь пах бензином и сыростью. Ни капли хлорки. Ни капли лжи.

Я сделала шаг наружу и остановилась возле своей машины. Ключи были со мной, детское кресло стояло сзади. Доехать бы домой. Но сначала — забрать куртку из ординаторской и Агату из комнаты отдыха.

Глава 2

Вернувшись за курткой, я застала коллег возле кофейника. Стоило открыть дверь, и разговор оборвался.

Толкнула дверь плечом — руки были заняты сумкой, хотя в ней почти ничего не весило. Коллеги стояли у кофейника. Гриша переложил стопку карт, затем зачем-то вернул верхнюю обратно. Мы столько раз работали ночью вместе; он мог бы сейчас просто спросить, нужен ли мне кофе. Ни он, ни остальные не спросили. Ярослава здесь побаивались даже те, кто над ним смеялся, когда его не было рядом.

Сняла куртку с крючка. Застрял рукав, я дёрнула слишком резко и ударилась локтем о шкаф. Никто не помог. Хотелось сказать Грише, что при следующем сложном наркозе он может позвать Ярослава, раз уж так старается его не рассердить. Но я промолчала и протолкнула локоть в рукав.

У лифта стоял Ярослав. Увидев меня с курткой, поднял телефон почти к моему лицу. На снимке Ника держала полуторагодовалого мальчика; внизу читалась мамина подпись про «настоящего наследника». Я не стала брать аппарат. Уже посмотрела достаточно.

— Ева, давай без драмы, — он говорил так же ласково, как пациентам: «У вас всё хорошо, но лечение будет долгим и дорогим». Я знала это продолжение: сейчас предложит мне потерпеть. — Квартира твоя. Машина твоя. Я не жадный. Но

детей... Детей у нас нет. Агата — это твоё личное дело, а не семейное наследие Самарина.

От знакомого одеколона снова замутило. «Детей нет» он произнёс тем же голосом, каким спрашивал, купила ли я Агате новые ботинки. Я хотела напомнить ему всё разом: как носила дочь, как возилась с его матерью после инсульта, как оплатила его учебный курс. Слова теснились и не выходили. Я только вдохнула, и он сразу решил, что я сейчас заплачу.

«Детей нет». Четыре года он подписывал открытки «твоей принцессе», а теперь отказывался даже произнести её имя. Я стиснула ремень сумки: ещё слово — и ударю его пряжкой по этому спокойному лицу.

Лифт уехал вверх, оставив меня одну в пустом коридоре. Я должна была забрать вещи Агаты. Она спала в комнате отдыха для персонала, пока я дежурила. Обычная практика. Но когда я добежала до служебного входа, там уже стоял вахтёр. Тот самый, которого Ярослав «попросил помочь» неделю назад.

— Там ремонт, Самарина, — он отвернулся к монитору, избегая моего взгляда. — Иди через главный вход. Там уже журналисты из местного портала ждут «развод века». Говорят, военврач бросает жену-анестезиолога ради медсестры. Красивая история.

Через главный вход приходилось идти мимо регистратуры, тележек, очереди пациентов. Я знала, сколько человек поднимут голову на голос свекрови. Знала и тех, кто потом

спросит в ординаторской: «А правда, она при всех тебе сказала?» Сейчас пройти незамеченной не получится.

Я развернулась. Прижала сумку к груди, как щит, защищающий самое дорогое — мою дочь, которая сейчас спала в комнате отдыха. Шаги звучали гулко, отдавая эхом в мозгу. Не плакать. Не падать. Идти.

Главный холл встречал меня холодом кондиционера и го-моном голосов. И там она стояла. Ника. Рядом с ней женщи-на лет пятидесяти, с аккуратной укладкой и дорогим шар-фом. Мать Ярослава. Она гладила по голове мальчика, того самого «наследника».

Громкость вокруг упала. Кто-то заметил наше столкнове-ние. Свекровь подняла голову. Её глаза блестели от удовле-творения.

— Ярослав сказал, ты истеричка, — произнесла она четко, для всех. — Посмотри на него. — Она показала на мальчика. — Здоровый, сильный. Настоящий мужчина растёт. А ты? Ты даже ребёнка нормального не смогла дать сыну. Дочь — это балласт.

Ника улыбалась, пока свекровь говорила. Даже губы скла-дывала похоже на Ярослава. Я помнила, как радовалась этой улыбке, когда она впервые пришла ко мне с жалобами на одиночество.

Отступила к стойке ресепшн и упёрлась в неё ладонью. Охранник повернулся к напарнику; помочь не подошёл. Ска-зать «Агата — ваша внучка» я не смогла: это и так знали все.

Я оперлась на стойку сильнее и выпрямилась. Там, в комнате отдыха, меня ждала дочь, и мне нужно было дойти до неё.

Я добралась до комнаты отдыха почти бегом, забрала Агату у дежурной няни и донесла до машины. Сердце колотилось где-то в горле, пока я пристёгивала дочь в кресле. Четыре года. Кудрявые волосы растрепались во сне. Она дышала ровно, не зная, что её мир только что перевернули вверх дном. Телефон зазвонил. Ярослав.

Он говорил быстро, сухо, будто диктовал отчет о потерях: — Я уже подал заявление. Не приходи домой, я сменил коды замков. Если Агата будет плакать — скажи, что папа занят спасением жизней. Это правда. Я сейчас оперирую.

Спасение жизней. Я поднесла телефон к уху ещё раз: может, слышалась? Квартира твоя — и тут же сменённые замки. Вот сколько стоило его «я не жадный». Я посмотрела на сонное лицо дочери. На ресничках дрожал свет фонарей. Она была всем, что у меня осталось. И я была всем, что у неё осталось.

— Да, — сказала я в трубку, хотя он уже повесил трубку. Руки дрожали так, что ключи выпали из замка зажигания и звякнули о пластик приборной панели.

Деньги. Карта заблокирована. Я вспомнила, как Ярослав всегда контролировал бюджет, называя это «заботой о будущем». Будущее наступило, и в нём не было места для меня. Родители в другом городе, далеко, и я не могу им позвонить. Не сейчас. Не с этим стыдом.

Мне нужно было место. Любое. Даже пол.

Служебный корпус. Коридор столовой. Здесь пахло жареной рыбой и хлоркой — специфический, удушливый запах больничной кухни. Я постучала в дверь поста медсестёр. Открыла та самая, подруга Ники, Лена.

— У нас нет мест для тех, кто не в графике, — она даже не стала проверять списки. Просто закрыла дверь перед моим носом. — Иди в гостиницу. Или к родителям.

На гостиницу денег сейчас не было. Родителям позвонить ещё не решилась. Я смотрела на закрытую Леной дверь: даже место для дежурного персонала нам отказались дать.

Я села на пол в углу коридора службы питания. От кафеля быстро занемели ноги, а Агата уже сидела у меня на коленях. Агата проснулась, потянула меня за рукав халата. — Мама, холодно, — прошептала она. — Терпи, солнышко. Мы тут ненадолго.

Обняла её и попросила не трогать грязный подол. Слезы капали на дочь; пришлось спрятать лицо у её затылка. Я, врач-анестезиолог, сидела на полу больничной подсобки, потому что мой муж решил сделать из меня жертву ради своей новой семьи.

Через два часа ноги затекли так, что я не могла их вытянуть, не разбудив Агату. Дочь уснула у меня на коленях. Я перебирала последние наркозы: карты, назначения, пациенты. На утро назначена комиссия; если Ярослав готовил её заранее, жалобы тоже могли появиться не сегодня. Я старалась

вспомнить, что именно он сможет предъявить.

В три часа ночи дверь подсобки тихо скрипнула.

Прижала дочь к себе, когда дверь открылась. В проходе оказался Владов, с маской под подбородком. Я разжала пальцы на плечике Агаты: от моего резкого движения она заворочалась.

Владов оглядел кушетку, наш угол, мои туфли. Я ждала вопроса: почему не дома? Нужно было опять объяснять про замки и карту, хотя одна мысль об этом утомляла. Он пока молчал.

Владов молча поставил на тумбочку пакет. Горячая каша для ребенка. Влажные салфетки. Чистые носки. Для меня.

Я попыталась встать, ноги не слушались. — Что вам нужно? — мой голос был хриплым, чужим.

Он отступил от кушетки и посмотрел на спящую дочь. Я придержала край халата, которым укрыла её: Агата не должна проснуться от нашего разговора.

— Она дышит ровно. Значит, жива. Ешь.

На его телефоне был акт о внеплановой проверке анестезиологической службы. Подписал Ярослав; дата стояла на следующий день. Я читала, придерживая голову дочери, и всё возвращалась глазами к подписи мужа.

— Утром комиссия по твоим наркозам, — Владов показал строку ниже. — Ярослав уже подписал, что ты профессионально непригодна. Хочет, чтобы ты ушла сама: после развода ему будет легче объяснить главврачу, почему ты меша-

ешь статистике отделения.

Я смотрела на экран в его руке. Владов прочёл акт раньше меня и пришёл сюда ночью, с едой. Значит, не поленился найти, куда нас вытеснили. От этого хотелось расплакаться сильнее, чем от обещанной комиссии; пришлось опустить лицо к спящей дочери.

— Зачем вы говорите мне это? — спросила я.

Владов посмотрел на Агату. Она спала, приоткрыв рот, не зная, о чём мы говорим. — Потому что руки у тебя не предательские, Самарина. Работаем.

Он развернулся и вышел, оставив дверь слегка приоткрытой.

На пакете осела влага от горячей каши. Я приоткрыла крышку, затем опять стала читать акт на память: какие пункты успела запомнить? Утром нужно поднять свои записи. Я ещё могла ответить по работе, если дадут отвечать именно о ней.

И вдруг, в конце коридора, за углом, откуда только что ушел Владов, раздался тихий смех. Знакомый. Веселый. Беззаботный.

Голос Ники.

Смех Ники доносился совсем близко. Я посмотрела на приоткрытую дверь: с той стороны была видна кушетка. Если она заглянет, то увидит нас сразу. У меня не осталось сил подняться и закрыть дверь; я крепче прижала Агату к себе.

Я медленно открыла пакет. Запах каши ударил в нос, за-

глушая запах хлорки и страха. Агата заворочалась во сне, положив голову мне на плечо. Теплая. Живая.

Вытерла лицо салфеткой, чтобы не капать слезами в кашу. Первая ложка обожгла язык. На третьей руки стали слушаться. Я остановилась, отложила остаток для Агаты: вдруг утром снова не получится ничего купить.

Утром придётся встать с этой кушетки и отвечать людям, которые видели меня на полу. Ярослав будет говорить об истерике. Можно плакать сейчас, пока дочь спит, но на комиссии я открою свои записи и назову назначения.

Поставила кашу для Агаты подальше от края. Вспомнила, как Владов сказал про мои руки. В других обстоятельствах обиделась бы на странную похвалу. Сейчас посмотрела на пальцы: держат ложку, могут перевернуть карту. Этого на утро хватит.

Нет. Не предательские. Опасные.

Я положила Агату на кушетку, укрыла своим халатом. Сама легла рядом, лицом к двери. Свет фар из окна падал на пол длинными полосами, как решетки тюрьмы. Кушетка была узкой; я подложила сумку к краю, чтобы Агата не скатилась во сне. Утром надо было найти нам комнату. И не опоздать на комиссию.

Ника смеялась где-то там, в темноте. Пусть смеется. Я натянула халат на босые ступни дочери. Пусть хотя бы её не разбудит.

Я закрыла глаза, но не уснула. Я считала часы до рассве-

та. Я мысленно перебирала вчерашние назначения: фамилия, препарат, время. Если меня будут спрашивать, отвечу по карте. В этом разговоре Ярославу не понадобится знать, плакала ли я ночью.

В тишине подсобки я услышала, как в кармане халата завибрировал телефон. Сообщение. От неизвестного номера. Текст короткий: «Не верь актам. Мониторы помнят всё.»

Отправитель: Т.В.

Проверила номер. Незнакомый, но инициалы в конце сообщения были его. Я перечитала «мониторы помнят всё» и впервые подумала о записи, а не о бумаге с подписью мужа.

Они будут ждать утра. А я буду готова.

Глава 3

До восьми я успела умыть Агату, накормить её оставшейся кашей и отвести к няне. Комиссию перенесли. Пришлось идти на работу и ждать вызова там, где уже видели вчерашний снимок.

В восемь вошла в ординаторскую. После стирки халат жёстко стоял на плечах, и мне чудилось, что все смотрят именно на него: вчера грязный, сегодня чистый — будто этого достаточно, чтобы всё исправить. Разговоры оборвались. Кто-то опустил лицо к журналу; двое продолжали смотреть, пока я не дошла до стола.

Даже Петя отставил кружку, не допив кофе.

В карте нужно было заполнить анализы. Я написала первое слово неровно, зачеркнула, ещё раз вывела «крови». Сейчас нельзя отдавать им даже такой повод: Самарина не справляется с простой записью. Придвинула лист ближе и продолжила.

За ночь снимок успел обойти весь госпиталь. По тому, как торопливо отворачивались коллеги, можно было понять: никто уже не ждал от меня обычного разговора о работе. Не поднимая головы от карты, дописала назначения. Что они обсуждали минуту назад, спрашивать не стала.

Ника прошла к моему шкафчику, не задержавшись у собственного. Халат на ней был новый, с ещё жёсткими сгибами

рукавов. Я следила за её рукой: в шкафчике лежали рабочие блокноты и лекарства Агаты.

— Ой, Ева, привет! — она обращалась ко мне так, будто собиралась угостить чаем. — Мы тут решили немного перестроить пространство. Старшая медсестра сказала, что твои вещи занимают много места. Давай я помогу?

Она протянула руку к моей рабочей тетради. Той самой, где были записи по анестезии, которые я вела семь лет.

Когда её пальцы легли на тетрадь, я перехватила запястье. Сжала сильнее, чем собиралась. Семь лет я писала здесь дозы и наблюдения — теперь Ника хотела унести тетрадь так же легко, как вчера встала рядом с моим мужем.

— Не трогай моё, — выдохнула я. Пришлось повторить последнее слово.

Она не сразу высвободила запястье. Улыбалась, ожидая, что я ещё что-нибудь скажу. Я держала её руку возле тетради и ничего больше не могла придумать — только повторить, чтобы не трогала.

— Тетя Ника просто помогает, — произнесла она нарочито мягко, обращаясь скорее к замершим коллегам, чем ко мне. Потом высвободила руку, поправила причёску и ушла, оставив после себя запах тяжелых духов и липкое ощущение унижения.

В дверях появился Ярослав. Рядом с ним шел главврач. Ярослав не посмотрел на меня. Ни разу. Он посмотрел поверх моей головы, прямо на Владова в дальнем кресле.

— ...проблема в эмоциональной нестабильности некоторых сотрудников, — говорил он громко, специально для тех, кто мог услышать. — Мы не можем рисковать жизнями пациентов из-за личных драм. Оптимизация кадрового состава необходима. Срочная.

Про «некоторых сотрудников» он говорил, стоя возле моего стола. Главврач тоже посмотрел в мою сторону. Ответить прямо сейчас означало бы дать Ярославу именно то, что он собирался обсуждать: Ева опять не сдержалась.

Ручка застыла над строкой. Если встану и потребую назвать меня прямо, Ярослав получит сцену, о которой говорит. Я подняла глаза к дальнему креслу. Владов оторвался от КТ и едва качнул головой; я осталась сидеть, хотя хотелось швырнуть ручку на стол.

Пришлось заново написать испорченную строку. Ручка скрипела. Владов больше не смотрел на меня, и я упрямо продолжала заполнять карту, хотя под столом так стиснула колени, что они заболели.

В столовой я выбрала стол с пустым местом напротив. Надеялась поесть без разговора о вчерашнем. Лена, интерн, сама подошла и села. Раньше мы вместе обсуждали наркозы за кофе; сейчас она сначала посмотрела через плечо, кто может нас услышать.

— Ева, — шепнула она, придвигаясь ближе. Она жевала мятную жвачку; шептала, едва размыкая губы. — Ты слыша-

ла, что говорят?

— Что именно? — я помешивала остывший суп.

— Что ты подсыпала ему успокоительное. Чтобы он не уходил к Нике. Что это не измена, а твоя истерика. И что ты опасна для пациентов, потому что можешь «случайно» ошибиться с дозой.

Я оставила ложку в супе. Разговор про измену теперь превращали в разговор про дозы. Если люди поверят, что я могу подмешать препарат мужу, на ближайшую операцию меня просто не позовут. Нужно понять, от кого Лена услышала это первой.

— Кто ещё знает? — спросила я ровным голосом, хотя сердце колотилось в висках.

— Весь этаж, — Лена отвела взгляд. — Извини. Я не могу... мне нельзя иметь с тобой дело.

Она встала и ушла. Я осталась одна среди шума столовой. Я перестала различать в супе вкус.

Детская комната при госпитале была тихой. Полумрак, запах детской присыпки и мокрого песка. Я пришла забрать Агату. Няня, женщина лет пятидесяти с добрыми глазами, встретила меня виновато.

— Папина знакомая заходила час назад, — сказала она, перебирая кубики. — Принесла игрушки. Сказала, что мама задержится на сложной операции и не сможет забрать вовремя. Агата очень расстроилась.

Я посмотрела на часы. До оговорённого времени ещё оставалось; Ника не могла не знать, когда у меня заканчивается смена. Няне она назвала другое время, а плакала из-за этого моя дочь. Я спросила, где Агата, не дожидаясь объяснений.

Агата сидела на полу, уткнувшись подбородком в колени. Я позвала её, она подняла опухшие глаза. Всё ещё плакала, уже без звука: похоже, успела устать даже от слёз.

— Мама? — её голос был хриплым.

Опустилась рядом и взяла её в руки. Дочь так крепко прижалась, что я почувствовала каждое ребрышко. От волос пахло ромашковым шампунем, который мы купили вместе. Я задержала лицо у её макушки, чтобы она не увидела моих слёз.

— Я здесь, котенок. Я здесь.

До квартиры сейчас всё равно не добраться: Ярослав сменил замки. В госпитале хотя бы была няня, которой можно сказать, где я. Я подняла Агату и пошла искать комнату на ночь.

На выходе из игровой зоны я чуть не столкнулась нос к носу с широкой грудью. Он придержал дверь локтем, оставляя меня возле порога.

Пришлось поднять голову: Владов стоял совсем близко. Он уже переоделся в тёмный свитер. Я заметила его плечи и тут же разозлилась на себя — дочь сопела у меня на шее, а я смотрела, как сидит на нём свитер.

— Объясни мне слухи, Самарина, — он не повысил голо-

са, но я остановилась. Значит, слух о «подсыпании» дошёл и до него.

Удержала Агату повыше: сползала с моего плеча, и от этого просьба о комнате становилась ещё срочнее. Лишь бы он не начал опять расспрашивать про слухи.

— Слухи не имеют отношения к фактам, — сухо ответила я. — Моя дочь голодна и напугана. Мне нужна безопасная зона. Разрешите остаться в служебном корпусе на ночь.

Он помолчал, посмотрел на Агату. Я ждала отказа, заранее перебирая места, где можно переночевать. Держать дочь становилось тяжело, но опустить её между нами на пол я не могла.

— Если ты хочешь играть в эту игру, Ева, научись не плакать на людях, — сказал он наконец. — Иди в 402-ю. Там чисто.

Он посторонился. Я прошла мимо, чувствуя, как его взгляд сверлит мне спину. Я хотела оглянуться, спросить, кто даст ключ от комнаты. Но он уже подозревал администратора. Я услышала номер — четыреста два — и не остановилась.

Палата 402 в служебном корпусе была пустой и стерильной. Белые стены, металлическая кровать, тумбочка. Я положила Агату на кровать, она уснула почти мгновенно, свернувшись калачиком.

Я повернулась к тумбочке и замерла.

Там лежал пакет. Аккуратно завязанный. Внутри — бутерброды с сыром, яблоко, йогурт. И новая книжка. Яркая, с твердой обложкой. «Сказки о маленьких героях». Почерк на этикетке пакета был строгим, угловатым. Хирургическим.

На этикетке был номер комнаты и его фамилия. Я положила пакет на кровать и растянула дочери сандалии. Владов слушал меня у игровой: голодна, напугана, негде ночевать. Я думала, он слышит только оправдания. А здесь были ужин, кровать и сказка, которую можно прочесть перед сном.

Я достала йогурт и поставила поближе к кровати. Утром дочь поест до того, как меня вызовут. На пакете не было просьбы, за которую пришлось бы расплачиваться; я всё равно несколько раз проверила этикетку.

От еды и книжки становилось легче, и я никак не решалась этому поверить. Владов ничего не попросил, даже спасибо не дождался. Я всё равно искала условие, как привыкла искать его в подарках Ярослава. Пока находила только номер комнаты на этикетке.

Я прижала книжку к груди, вдыхая запах типографской краски. Впервые за день я почувствовала, что могу дышать.

Свет в палате я гасила медленно, стараясь не потревожить сон Агаты. После коридорного шума в комнате можно было услышать, как дышит Агата. И вдруг — скрип двери.

Шаги в коридоре были тяжелыми, уверенными. Не Владова. Тот ходил бесшумно.

Дверь открылась. На пороге стоял Ярослав. Экран его телефона светился в полутьме, отражаясь в его глазах. На фото была Ника с ребенком. Улыбающиеся. Счастливые.

— Мы должны поговорить о твоей матери, Ева, — его голос был ледяным. — Она звонила мне. Ты не имеешь права забирать Агату без моего согласия.

Он сделал шаг внутрь, закрывая за собой дверь.

Глава 4

После ночного разговора с Ярославом я так и не уснула. Он ушёл лишь после того, как я потребовала не пугать Агату; согласия на возвращение домой от меня не получил. К утру меня вызвали в реанимацию. Там пахло железом и свежей кровью. Здесь нужно было смотреть на каталку, не на лица коллег. После разговоров с Ярославом я почти радовалась этому простому требованию: есть пациент, надо работать. Никто пока не спрашивал про семью.

На каталке лежал мужчина лет тридцати. Он пытался вдохнуть, но грудная клетка двигалась неровно. Множественные переломы рёбер, открытый пневмоторакс, внутреннее кровотечение. Монитор подавал тревогу, и я первым делом проверила кислород. Давление продолжало падать. Я проверила монитор ещё раз: на ошибку датчика надеяться не приходилось.

Анестезиолог моей смены застрял в другой операционной, где делали трепанацию. У каталки уже работали медсёстры, но врача у головы пациента не было. Я заняла его место.

На разёме капельницы пальцы чуть подрагивали. Я была привычна к таким травмам, знала, что делать сначала. Но стоило вспомнить голос Ярослава — и хотелось перепроверить даже простейшее соединение. «Ты никогда не была хо-

роша». Я выдохнула и всё-таки подключила линию.

Прикусила щёку, до боли. Это помогло перестать вслушиваться в голос мужа, которого здесь не было. Проверила лоток: трубка на месте, ларингоскоп исправен. Можно начинать.

— Интубация! — крикнула я сама себе, чтобы заглушить панику.

Взяла ларингоскоп и проверила свет. Обычно этого движения даже не замечаю; сейчас держалась за знакомую последовательность, чтобы не начать всё проверять по третьему разу.

— Стой!

Медбрат шагнул перед каталкой и потянулся к ларингоскопу. Я отвела инструмент: больше минуты на этот спор у нас не было. Он же смотрел на меня, а не на пациента.

— Тебя же отстранят за халатность, если ты сейчас полезешь без допуска! — прошипел он мне прямо в ухо. Его дыхание пахло луком и дешевым кофе. — Ника сказала... она сказала, что тебя нельзя подпускать к тяжелым. Ты можешь всё испортить!

Медбрат расставил руки перед каталкой. Пришлось остановиться с ларингоскопом, хотя пациенту становилось хуже. За дверью кто-то обсуждал Нику. Может, никто и не ждал моего обморока, но мне слышалось именно это: сейчас Самарина сорвётся и подтвердит всё, что о ней говорят.

Я посмотрела ему в глаза. Медленно. Подняла голову,

чувствуя, как напрягаются мышцы шеи.

— У него брадикардия, — я показала медбрату цифры и не дала повернуться обратно ко мне. — Сорок ударов в минуту. Если он умрет, пока ты думаешь о моей карьере и сплетнях Ники, умрешь ты вместе с ним. Потом объяснишь, почему не дал врачу подойти к пациенту. Отойди.

Он моргнул, посмотрел на монитор. Затем наконец убрал руки и отступил, зацепившись ботинком за собственную ногу. Я прошла к голове пациента, не давая ему начать новый спор.

Я нырнула к столу. Открыла рот пациента, ввела клинок ларингоскопа. Глотка была узкой, отекающей. Нужно было поймать момент, увидеть голосовые связки.

В этот миг в реанимацию вошел Владов.

Я заметила Владова лишь когда он оказался у двери. Он остановился в дверях, скрестив руки на груди. Белоснежный халат контрастировал с красными пятнами на полу. Он сразу подошёл к каталке с другой стороны и коротко вызвал свою бригаду. На меня взглянул лишь раз — проверил, что я у головы пациента. От этого кивка стало легче удержать ларингоскоп.

Владов уже вызывал бригаду; мне оставались дыхательные пути. Ввела трубку, проверила вентиляцию и подключила аппарат. Пока руки делали знакомую работу, я могла не думать о его оценке.

Пациент начал стабилизироваться, но давление все еще

оставалось критическим. Кровотечение не останавливалось. Нужно было срочно вскрывать грудную клетку, но бригада Власова еще не готова была к операции. Мне нужно было удержать давление, пока готовят вмешательство. Я смотрела на монитор и называла бригаде изменения.

Пульс исчез. Я сообщила об остановке и начала компресии; медсестра придвинула дефибриллятор. Власов уже раздавал команды бригаде. Теперь можно было не слушать шёпот у дверей — только его голос и монитор.

И тут случилось худшее.

Регургитация. Заброс содержимого желудка.

На перчатки и поле выплеснулось содержимое желудка. От кислого запаха меня тоже замутило. Одна сестра отвернулась; я окликнула другую, стоявшую у головы пациента. Она была достаточно близко, чтобы сразу подать отсос.

Очень хотелось убрать испачканные руки. Я удержала их на месте до смены: сначала пусть другой человек примет компресии.

Но я не отодвинулась.

— Отсос! — потребовала я. Медсестра у головы пациента освободила рот; компресии принял медбрат. На короткой смене я стянула загрязнённые перчатки и надела новые. Меня ещё мутило от запаха, но руки уже делали нужное. За дверью могли ждать чего угодно. Здесь нужно было вернуть пульс.

Монитор запищал иначе. Аритмия. Фибрилляция желу-

дочков.

Сердце пациента забилося хаотично, бесполезно. Дефибриллятор уже был заряжен. Нужен был разряд. Медбрат убрал руки по моей команде; я проверила, что никто не касается каталки.

Я уже приготовилась нажать кнопку и вдруг вспомнила его слова: всегда боялась ответственности. Господи, почему сейчас? Передо мной пациент, а я всё ещё спорю с отсутствующим мужем. Владов заметил, что я задержалась.

Рука зависла над кнопкой.

Владов сделал шаг вперед. Он не коснулся меня. Не взял мою руку. Он просто стоял совсем близко, так что я чувствовала тепло его тела через ткань халата.

— Смотри на сердце, Ева, — сказал он тихо. Он стоял достаточно близко, чтобы я расслышала это за аппаратами. — Не на прошлое.

Владов произнёс это спокойно, как обычное требование в операционной. Мне не пришлось просить повторить. Я услышала его поверх аппаратов, поверх Ярослава, которого здесь вообще не было.

Я ещё раз проверила монитор и предупредила бригаду о разряде.

Нажала кнопку.

Пациент дёрнулся от разряда. Медбрат стоял у ножного конца каталки, убрав ладони за спину. Я смотрела на монитор; боковым зрением замечала только красные перчатки

Владова и медсестру, ожидавшую моей следующей команды.

Секунда. Две. Три.

На мониторе появился ритм. Медсестра подтвердила пульс. Давление начало медленно расти.

Мы вытащили его.

Отойдя от каталки, поняла, как болят ноги. Сесть было негде — все стулья оказались за людьми у дверей. Я прислонилась к краю стола и переждала дрожь; ещё минуту назад не замечала ни пола, ни собственной усталости.

— Самарина!

Администратор отделения, тот самый сухощавый мужчина с бегающими глазами, который собирал бумаги для проверки моей работы, подошел ко мне. Он держал в руках планшет и выглядел победителем.

— Нарушение протокола, — начал он, и его голос звенел торжеством. — Самовольное подключение к экстренной процедуре без санкционирования главного врача смены. Вы можете считаться уволенной немедленно. Ваша ошибка могла стоить нам лицензии...

Он не договорил.

Владов оказался рядом со мной быстрее, чем я успела моргнуть. Он положил руку мне на плечо. Тяжелую, горячую, властную. Плечо под его ладонью перестало дрожать. Он повернулся к администратору.

Администратор попытался обойти его плечо, чтобы снова обратиться ко мне. Владов повернулся следом и не дал

подойти. Я впервые за весь разговор смогла не смотреть на планшет, который мне подсовывали.

— Она спасла жизнь, — сказал Владов. Громко. Так, чтобы слышал весь персонал. — Протокол нарушен? Нет. Протокол был бы нарушен, если бы мы ждали тебя и твои бумаги. Иди.

Администратор попробовал возразить, но Владов не дал отодвинуть себя от меня. Мужчина прижал планшет к груди и ушёл, оглядываясь на персонал у дверей. Мне не пришлось подписывать ещё одну бумагу прямо здесь.

Я всё ещё стояла возле него. Ладонь на плече удерживала от желания немедленно искать стул; когда дрожь стала слабее, Владов отпустил меня. Могла идти в ординаторскую сама.

— Ординаторская. Чай. Сейчас, — это был не вопрос. Это было следующее задание.

Глава 5

Ординаторская пахла крепким чаем и старой бумагой. Здесь было тихо. Только гул вентиляции и тиканье часов на стене. Я сидела напротив Влодова, обхватив руками кружку. Кружка была горячей; я держала её обеими руками, не позволяя себе сразу обжечь рот первым глотком.

Влодов молчал. Он сидел, сцепив большие пальцы рук на столе, и изучал мои руки. Пальцы ещё дрожали после компрессий; я прятала их за кружкой. Я передвинула пальцы по кружке. Он заметил, как они дрожат, а прятать их дальше стало неловко.

Я готова была начать оправдываться. Объяснять, почему полезла в операцию. Почему нарушила субординацию. Почему дрожат пальцы. Почему я вообще здесь сижу, а не дома, где меня ждут вещи, которые я не успела собрать.

— Я... — начала я, и голос сорвался.

Влодов поднял руку, останавливая меня. Мне хватило этого движения, чтобы замолчать.

Он не хвалил меня за героизм. Не говорил, что я молодец. Ярослав сказал бы, что мне просто повезло. Я ждала похожей оговорки и от Влодова.

— Руки у тебя не предательские, Самарина, — сказал он. Его тон был ровным, без эмоций, но я перестала прятать от него дрожащие пальцы. — Они честные. Работаем.

Я замерла.

Честные руки.

Он приглашал меня работать. После всех намёков на дозы, после разговоров у шкафчика — в свою бригаду. Я подняла кружку обеими руками, чтобы не расплескать чай. Спросить, уверен ли он, хотелось до боли. Но повторять за Ярославом его сомнения я больше не собиралась.

Я посмотрела на свои руки. Кожа была сухой, немного порванной на костяшках от грубого обращения с оборудованием. Костяшки щипало после мытья и антисептика. Я провела большим пальцем по трещинке и отёрнула его.

Впервые за эти сутки я не чувствовала себя грязной. Я чувствовала себя живой.

На столе, рядом с моей кружкой, лежал мой телефон. Ярослав только что переслал мне сообщение Ники — даже здесь не оставлял в покое. Экран светился мягким голубоватым светом уведомления.

Я знала, кто там пишет. Не нужно было смотреть имя. На экране ещё светилось уведомление с его именем и пересланным текстом.

«Он спит? Я могу прийти?»

Ника.

Ярославу мало было знать, что я прочту. Он хотел моего ответа, хотя бы одного злого слова. Я придвинула кружку, закрыв ею часть экрана. Чай ещё оставался горячим.

Я не взяла телефон. Не смахнула уведомление. Не забло-

кировала номер.

Чай был слишком крепким для конца смены. Я всё равно допила его: хотелось закончить хоть что-то без объяснения причин.

Владов дождался, пока я поставлю пустую кружку, и придвинул ко мне расписание. Утренние операции. Моя фамилия напротив его.

— Завтра в восемь, — сказал Владов, вставая. Его стул скрипнул по линолеуму. — Бригада собирается. Агата будет в детской комнате при госпитале. Я прослежу, чтобы туда пускали только своих.

Он вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Я задержалась с пустой кружкой. На расписании оставалась моя фамилия. Пересланное сообщение Ники никуда не исчезло, но сейчас мне важнее было это расписание, которое можно прочесть без тошноты.

Я посмотрела на светящийся экран моего телефона. На эти слова, написанные его любовницей, которая теперь считала себя хозяйкой нашей общей квартиры, моего места рядом с Ярославом, нашего общего будущего.

Поймала себя на улыбке и не убрала её. Ника могла писать что угодно, но следующая смена была в моей карте, а не в её сообщении.

Я ещё не представляла, как выйду из этих разговоров с Ярославом. Зато знала, куда прийти завтра: в восемь, на первую операцию Владова.

Я встала, убрала телефон в карман и направилась к выходу. Мне нужно было домой. К дочери. К Агате, которая ждала меня не с папой-предателем, а с мамой-анестезиологом.

За окном начинался рассвет. Серый, холодный, но настоящий. Завтра я снова встану у операционного стола. Я задержалась у расписания, чтобы прочитывать свою фамилию ещё раз.

В восемь я прихожу в ординаторскую с карточкой первой пациентки. Кофе ещё не успел остыть, а Ярослав уже здесь — хотя в расписании бригады его нет. Ярослав стоит у окна, спиной ко мне, в оконном стекле вижу, как он следит за мной, не поворачивая головы. Он даже не обернулся, когда бросил на стол заявление на отпуск, которое приготовил для меня. «Эмоционально нестабильна», — сказал он секретарю, повышая голос так, чтобы слышали все. «Такие руки опасны для пациентов. Уволим мягко».

Ручка оставила синее пятнышко у ногтя. Стираю его большим пальцем, чтобы не протянуть руку к заявлению. Мне хочется швырнуть бумагу обратно Ярославу. Вместо этого держу перед собой карту: пациента он мне ещё не отменил.

— Самарина ведёт, — говорит Владов от двери. Ярослав оборачивается, а я продолжаю сжимать карту.

Владов забирает карту и раскрывает назначения. Я узнаю своё время индукции. Он расписывается под планом: «В бригаду. Контроль лично». Ярослав стоит возле окна и видит эту подпись вместе со мной.

Муж оборачивается к Владову. Пока тот ставит подпись, говорить он не решается. — Тихон Сергеевич, это же... личное дело. Она сейчас не в ресурсе. — Ресурс измеряется в спасённых жизнях, Ярослав Андреевич, а не в твоём настроении. Владов возвращает мне карту. Его пальцы касаются моего халата, и я успеваю заметить запах антисептика и сигарет. — Работаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.